

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения
Завориной Марии Леонидовны
на тему: «Эпирская традиция в поздневизантийском зодчестве Северных Балкан»
по специальности 5.10.3 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство
и архитектура

Тема диссертации Марии Леонидовны Завориной, несомненно, является актуальной. Архитектура поздневизантийского периода представляет собой сложное, многогранное и отнюдь не до конца понятое явление. В это время, когда в Константинополе после изгнания крестоносцев возобновляется прерванная традиция, строительство активизируется и в других центрах, как в возрожденной Империи, так и за ее пределами — в Сербии, Болгарии, на землях, оставшихся под властью латинян. За общими понятиями «палеологовская архитектура» и «палеологовский стиль» скрывается полифония, в которой трудно уловить объединяющие принципы, проследить развитие и взаимодействие разных линий. Одну из таких линий избрала М.Л. Заворина. В ее исследовании прослеживается развитие архитектуры Эпира, сохранившего независимость после 1204 года, и эпирской традиции за его пределами, на севере Балканского полуострова, в конце XIII-XIV в. Это и является предметом исследования, корректно обозначенным во введении.

Как явствует из введения, основной акцент делается именно на зодчестве Северных Балкан. Определению географических рамок исследования уделено особое внимание, так как они неочевидны: они не совпадают с современными границами государств, но выстраиваются в соответствии с архитектурными процессами, лишь отчасти связанными со средневековым церковно-административным и политическим делением.

Такое несовпадение средневековых архитектурных процессов и современного политического деления стало одной из причин, почему довольно многочисленные памятники и особенно взаимосвязи между ними оказались изучены недостаточно, о чем М.Л. Заворина пишет во введении и в первой историографической главе. Лишь отдельные группы построек стали объектом исследования представителей основных для этого региона научных школ — греческой и югославской. Оригинальный ракурс постановки проблемы позволил М.Л. Завориной занять свою позицию в промежутке, возникшем между ними, что следует признать удачным ходом.

Первая глава в целом представляет собой довольно масштабный и интересный экскурс в историю исследования поздневизантийской архитектуры вообще и эпирской традиции с ее ответвлениями в частности. Выделяя проблему регионализма как ключевую

для поздневизантийского зодчества, Заворина следует по стопам С. Чурчича и продолжает начатое им «уточнение» картины взаимодействия различных традиций в архитектурных центрах севера Балканского полуострова. В то же время, она не упускает из поля зрения и более существенный вопрос, обозначенный ранее Р. Краутхаймером и С. Манго: можно ли рассматривать поздневизантийское зодчество как единый процесс, развивающийся в соответствии с общими закономерностями и лишь в ряде случаев получивший некоторые региональные модификации? Опираясь на выделенные ими основные тенденции палеологовской архитектуры и на разработанные Х. Бухвальдом определения основных стилей византийской архитектуры, в том числе поздневизантийской, М.Л. Заворина пытается проследить процессы развития стиля в следующих частях своей диссертации.

Вторая глава посвящена архитектуре Эпира, которая разбирается систематично и довольно дотошно: особенности типологии и композиции, морфология (формы куполов, фронтонов, апсид), декор. В основу этого разбора положены работы греческих исследователей, с которыми автор временами вступает в дискуссию, дополняя их наблюдения собственными. В заключительном разделе главы предпринимается самостоятельная попытка проследить траекторию стилистического развития эпирской архитектуры в XIII – начале XIV в. Выделяется три фазы, последняя из которых (последняя треть XIII – первая треть XIV в.) совпадает с миграцией эпирских артелей в другие балканские центры. Анализ ассимиляции принесенной ими строительной традиции в этих центрах посвящены остальные три главы.

В третьей главе последовательно и подробно рассматриваются памятники основных центров Охридской архиепископии: Охрид, Прилеп, Кастория и др. В анализе каждой постройки автор отмечает те черты, которые ранее были выделены как характерные особенности эпирской школы. Выясняется, что в постройках каждого из центров есть отличия, которые М.Л. Заворина суммирует в заключительных разделах. Предполагается присутствие нескольких артелей, приезжавших из разных эпирских городов в разные десятилетия и, возможно, по-разному адаптировавшихся к условиям заказа и ситуации на местах. Отрадно, что молодой исследователь проявляет способность к дифференциации исследуемого материала по уровню художественного качества и к выявлению общих стилистических закономерностей, которые прослеживаются как в скромных, так и в элитарных постройках. Последние вполне убедительно сопоставляются с палеологовской архитектурой Константинополя и Салоник. М.Л. Заворина приходит к выводу, что раннепалеологовская архитектура на территории Охридской архиепископии практически полностью была делом рук эпирских строителей, эмигрировавших сюда с постепенным угасанием Эпирского деспотата. Полнота охвата материала и тщательность

его анализа заставляет признать этот вывод убедительным и оригинальным. в работах югославских исследователей отмечались лишь черты сходства между отдельными постройками в Эпире и в Северной Македонии.

В четвертой главе разбираются памятники Южной Македонии и Фессалии, где прослеживается присутствие эпирской традиции, но не только. В Салониках она смешивается с влиянием из Никеи и Константинополя, в Фессалии — сначала со старыми местными традициями, затем с влиянием Салоник. М.Л. Заворина анализирует постройки этих центров и наглядно демонстрирует, что эпирская традиция в Южной Македонии проявляется, в основном, в использовании характерных мотивов фасадного декора и принципов его организации.

Наконец, пятая глава представляет собой обзор тех сербских памятников, в которых прослеживается влияние эпирской традиции. Это, в основном, храмы, возведенные по заказу Милутина в Македонии и Метохии. Здесь также речь идет главным образом об элементах фасадного декора. В дальнейшем на протяжении XIV в. в храмах, возведенных сербскими вельможами в Македонии, эпирский след постепенно растворяется.

В заключении подводятся итоги исследования. М.Л. Заворина вполне ясно и четко формулирует свои основные выводы, завершая обрисованную в диссертации картину формирования и распространения эпирской архитектурной традиции по северу Балканского полуострова.

Характеризуя работу в целом, следует отметить не только удачно выбранный предмет исследования и оригинальный ракурс его рассмотрения, но и здравый, критический подход к наработкам предшественников, вполне зрелое владение методами анализа произведений архитектуры, самостоятельность и основательность в обобщениях. Новизна диссертационного исследования М.Л. Завориной несомненна: до сих пор развитие эпирской традиции в зодчестве XIII-XIV в. на севере Балканского полуострова не рассматривалось как целостное явление, а в работах по архитектуре Эпира это ответвление либо не учитывалось, либо сводилось к нескольким избранным памятникам. Восполнив этот существенный пробел, М.Л. Заворина внесла свой вклад в понимание архитектурных процессов поздневизантийского периода. Большим достоинством работы является и то, что автор исследовал многие памятники в натуре, что видно и по тщательности анализа, и по большому количеству собственноручно сделанных фотографий (приложение, том II).

В то же время, необходимо отметить и некоторые недостатки.

В историографической главе ничего не сказано о позициях русских исследователей в отношении палеологовской архитектуры. Между тем, Н.И. Брунов коротко, но емко охарактеризовал ее в т. 3 «Всёобщей истории архитектуры», причем во многом его взгляды совпали с суждениями Краутхаймера и Манго, высказанными одновременно или позднее. Не упоминается книга А.Л. Якобсона «Закономерности в развитии Средневековой Архитектуры: Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. IX–XV вв.». В последние десятилетия в книгах Вл.В. Седова («Килисе джами: Столичная архитектура Византии») и А.Ю. Виноградова («Лекции по византийской архитектуре») также появились краткие очерки о палеологовской архитектуре, но и они не упомянуты, хотя на первую книгу М.Л. Заворина ссылается, говоря об экзонартексе Софии Охридской.

Вопрос о работе конкретных артелей остается довольно туманным. Во введении М.Л. Заворина оговаривается, что эта проблематика недостаточно разработана применительно к византийской архитектуре, и все высказываемые ею и ее предшественниками соображения на этот счет носят гипотетический характер. При этом по ходу исследования замечания о работе разных артелей рассыпаны в изобилии, и читателю остается самому решать, насколько этим предположениям можно верить. Следует предостеречь молодого исследователя от злоупотребления нагромождением гипотез, которые нет возможности проверить.

Вопросы вызывает также избирательный подход к географии. В название работы выведено словосочетание «Северные Балканы». Строго говоря, Фессалия не относится к северу Балканского полуострова, а занимает его центральную часть. Если включение памятников этой области связано с ее близостью к Эпиру, то тогда почему за рамками исследования остались другие области центральной и южной Греции, где в той или иной степени влияние эпирской архитектуры также можно проследить? Автор сосредотачивается на памятниках северо-запада Балканского полуострова (земли Охридской архиепископии, другие части Македонии, южная Сербия и др.). При этом ничего не сказано о северо-востоке Балкан (Фракия, Болгария). Притом, что целый ряд памятников XIII–XIV в. в этом регионе (Несебр, Дидимотихо и др.) тоже отличается обильный и пышной архитектурной декорацией, о них ничего не говорится, для сравнений с памятниками северо-запада Балкан они не привлекаются. Если это явление не связано с эпирской строительной традицией, то об этом следовало хотя бы коротко упомянуть. Удивляет также почти полное отсутствие афонских построек, за исключением кафоликона Хиландара. Здесь тоже было бы необходимо дать хотя бы краткие пояснения.

В историографической главе ничего не сказано о позициях русских исследователей в отношении палеологовской архитектуры. Между тем, Н.И. Брунов кратко, но емко охарактеризовал ее в т. 3 «Всеобщей истории архитектуры», причем во многом его взгляды совпали с суждениями Краутхаймера и Манго, высказанными одновременно или позднее. Не упоминается книга А.Л. Якобсона «Закономерности в развитии Средневековой Архитектуры: Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. IX–XV вв.». В последние десятилетия в книгах Вл.В. Седова («Килисе джами: Столичная архитектура Византии») и А.Ю. Виноградова («Лекции по византийской архитектуре») также появились краткие очерки о палеологовской архитектуре, но и они не упомянуты, хотя на первую книгу М.Л. Заворина ссылается, говоря об экзонартексе Софии Охридской.

Вопрос о работе конкретных артелей остается довольно туманным. Во введении М.Л. Заворина оговаривается, что эта проблематика недостаточно разработана применительно к византийской архитектуре, и все высказываемые ею и ее предшественниками соображения на этот счет носят гипотетический характер. При этом по ходу исследования замечания о работе разных артелей рассыпаны в изобилии, и читателю остается самому решать, насколько этим предположениям можно верить. Следует предостеречь молодого исследователя от злоупотребления нагромождением гипотез, которые нет возможности проверить.

Вопросы вызывает также избирательный подход к географии. В название работы выведено словосочетание «Северные Балканы». Строго говоря, Фессалия не относится к северу Балканского полуострова, а занимает его центральную часть. Если включение памятников этой области связано с ее близостью к Эпиру, то тогда почему за рамками исследования остались другие области центральной и южной Греции, где в той или иной степени влияние эпирской архитектуры также можно проследить? Автор сосредотачивается на памятниках северо-запада Балканского полуострова (земли Охридской архиепископии, другие части Македонии, южная Сербия и др.). При этом ничего не сказано о северо-востоке Балкан (Фракия, Болгария). Притом, что целый ряд памятников XIII–XIV в. в этом регионе (Несебр, Дидимотихо и др.) тоже отличается обильной и пышной архитектурной декорацией, о них ничего не говорится, для сравнений с памятниками северо-запада Балкан они не привлекаются. Если это явление не связано с эпирской строительной традицией, то об этом следовало хотя бы кратко упомянуть. Удивляет также почти полное отсутствие афонских построек, за исключением кафоликона Хиландара. Здесь тоже было бы необходимо дать хотя бы краткие пояснения.

Несмотря на указанные недостатки и высказанные замечания, диссертация М.Л. Завориной является фундаментальным и оригинальным исследованием, вносящим заметный вклад в изучение византийской архитектуры. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.10.3 Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура (искусствоведение), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Мария Леонидовна Заворина заслуживает присуждения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3 Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Официальный оппонент:

доктор искусствоведения, профессор,
заместитель генерального директора по научной работе
ФГБУК «Государственный историко-культурный
Музей-заповедник «Московский Кремль»
Баталов Андрей Леонидович

Дата подписания: 16.04.2025 Подпись: _____

**Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:** 17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство
и архитектура

Адрес места работы: 109012, г. Москва, ул. Кремль

Тел.: 7 916 5911762

E-mail: batalov@kremlin.museum.ru